

Вот приходит замысел рисунка.

Поединок сердца и рассудка.

Иногда рассудок побеждает.

Он довольно трезво рассуждает...

/ Юрий Левитанский /

С новогоднего корпоратива я смылся быстро: хотел расслабиться после сложного года и преуспел в этом. Расслаблялся в основном по русской традиции – водочкой. Потому спустя два часа с начала застольных посиделок я надрался, в смысле – расслабился. Посидел бы еще немного, меня бы из ресторана вынесли, надеюсь, не вперед ногами. Это в худшем случае. В лучшем – ушел был на четвереньках. Сравнение: лучше - хуже, сомнительное. В обоих случаях ударил бы в грязь лицом – выражение обиходное. Если говорить прямо – наложил бы на лицо маску из салата оливье, который мне постоянно подкладывала моя соседка слева, Агриппина Волнушкина, находящаяся под моим непосредственным руководством. Руководил я финансовым отделом малоизвестного банка. Работал себе и работал, носа не задираю, деньгами не сорил, но и не скупился при необходимости. Это не раз подчеркивала Иванна Карловна, дама молодящейся наружности, позабывшая о своих обязанностях. Иванна Карловна как-то возложила на себя организацию разного рода мероприятий, в том числе и сбор денежных средств по всяким причинам, и с честью несет на себе сей невесомый для ее округлых плеч груз. В прошлом веке, во времена построения развитого социализма и строительства коммунизма, таких активных дамочек выдвигали в местком. Сложновато было задвинуть назад.

На дворе век двадцать первый, почти забылись прошлые привычки и активные общественные желания, но никаким дустом не выведешь дам типа нашей Ивановны. Все уже позабыли, в каком отделе она обязана трудиться. Но зарплату активистка исправно получает. И никто не ропщет: кто-то должен заниматься сбором денег по разным поводам, организовывать мероприятия. У Ивановны Карловны в этом талант. Она нашла себя на поприще общественной деятельности. И в этом я ей немного завидую белой завистью. Я плыву по течению, без страстей, однообразно. Ни жены, ни детей. Одна работа.

Какие мои годы! Всего-то тридцать пять!

Вдруг в будущем году что-то случится? Почему, нет.

Я нормальный мужчина. Просто ни одна особа женского пола меня не занимает. Они мне не интересны. У многих моих знакомых девушек есть всё – и красота, и ум, и какие-то свои интересы, что ценят мужчины, и, наверное, изюминка. Но до изюминки надо докопаться, а у меня... нет желания докапываться. Вот так-то...

Иногда мне не хватает решительности... Но об этом лучше не думать...

А думать надо, тем более, что грядут перемены в жизни. Я не суеверный, но вслух о своих планах стараюсь не болтать. Да и скрытен я, такой уж уродился...

В общем, расслабился я водочкой основательно, и по-английски отчалил от ресторана с подходящим названием «Пристань». Под ресторан оборудовали бывший прогулочный теплоход. Я преодолел сходни, крепко держась за перила, и выкатился на набережную. То ли шторм на реке, то ли землетрясение на суше, одно из двух, и в связи с этим стихийным бедствием меня покачивало.

С трудом отойдя подальше от «Пристани», я замер посредине набережной, припорошенной снежком, вяло падающим с темно-серого неба, и с осуждением взглянул на реку, подернутую тонким ледком, после чего сделал гениальный вывод – шторма на реке нет, поэтому сходни качаться не могут, как и ресторан-теплоход. Следовательно, на город обрушилось землетрясение. Или, как вариант - я перестарался с водочкой. «Как вариант» - вероятнее всего. Хорошо, хватило ума вовремя уйти на своих двоих ногах. Не на четырех, заметьте.

Явно перебрал: тротуарная плитка, которой была выложена набережная, сама по себе двигалась, как квадратики при игре в пятнадцать.

Я изобразил совершенно трезвого человека – постарался не шататься, и противостоять нерезкому порыву ветра. Сосредоточил взгляд на ограждении и сделал до него три сомнительно-уверенных шага. Перила ограждения были моим спасением. Наплевав на приличия, я оттопырил свой зад, уложив подбородок на сложенные на перилах руки в перчатках. При этом заметил одну странную особенность – кистям рук в перчатках было неудобно. А чего бы им было удобно, если я перепутал перчатки – на левую кисть руки натянул правую перчатку, на правую – левую. Мне польстила незаурядная сообразительность, значит, до последней стадии я не дошел.

Я всегда трезвел быстро, тем более на слишком свежем воздухе. Зрение постепенно восстанавливалось, предметы почти не расплывались.

Расплаваться было нечему. Один тонкий лед на реке. Чуть в стороне светящийся иллюминацией ресторан, за ним еще несколько «двойников». Прохожих почти нет, одни редкие влюбленные парочки, занятые друг другом.

Все по парам. Я один. И нисколько об этом не жалею.

Хотел бы, пригласил к себе Агриппину Волнушкину. Ее глаза всегда говорят, что она не против. Не против чего? Всего.

Не хочу. Ничего не хочу. Устал. Мне нужен отдых. Десять дней могу ничего не делать. Десять дней. Какое блаженство!

Весь день дождь сменялся снегом, снег - дождем. Под ногами хлюпало. К вечеру температура опустилась ниже нуля, начало подмораживать. Именно, благодаря декабрьской стуже я быстро трезвел. Не скажу, что землетрясение прекратилось, земля еще ходила под ногами, но в голове уровень шумов понизился. И я быстро продрог до костей. Попытался вызвать такси по телефону, таких умников в период корпоративов было немало. Ни один диспетчер не откликнулся. Я решил доковылять до оживленной автомобильной трассы и «проголосовать». Авось добрый дядя частник пожалеет озябшего путника «подшофе».

За всю дорогу я ни разу не упал. Подсказывался, да, но на ногах удерживался. Моя стойкость изрядно меня повеселила. После каждого несостоявшегося падения, так и оставшегося потенциальным, сначала улыбался – тихо ликовал, потом стал подхихкивать, глупенько так, а в очередной раз победы в «ледовом шоу» залился таким небывалым хохотом, как будто мне рассказали анекдот, напичканный виртуозным юмором. Заливался хохотом несколько минут, подняв лицо к темно-серому несимпатичному небу. Давно я так не смеялся.

Как здорово, что расслабился водочкой. И здорово, что вовремя покинул увеселительное мероприятие, организованное нашей Ивановой.

Каждый раз при общении Иванна закатывает глаза и говорит: «Мне бы такого зятя!» Все коллеги знают, что у Ивановны есть дочь, но никто ее в глаза не видел. Даже фотки никто не видел. Прошел слух - дурнушка из дурнушек. Или в наличии изъяны. Существует иное мнение - дочь Ивановны Карловны очень привлекательная девушка. Все знают, что у Ивановны есть «пунктик»: она боится сглаза. На любой комплимент отвечает резкостью и плюет три раза через левое плечо – чтобы ее не сглазили. Это касается женских

комплиментов в ее адрес. На мужские комплименты она отвечает милой улыбкой и благодарностью. Но все равно незаметно плюет через левое плечо.

Мне нет никакого дела ни до матери, активистки и общественницы, ни до ее тайной дочери. Я давал это понять ни единожды, пресекая пустую болтовню наших девушек-тетушек. При этом излишне переусердствовал, что позволило нашим болтушкам заподозрит меня в любовной связи с таинственной незнакомкой. На самом деле, подобное не хотело укладываться в их головах – у многих на меня были большие планы, поэтому свои предположения они быстро задвигали куда подальше, чтобы не расстраиваться и не терять надежду...

Итак, мне осталось преодолеть лестницу, и я почти у заветной цели – автотрассы, по которой бегают машинки с теплыми салонами.

Лестница была крутой, широкой и с несчетным количеством ступенек. Придется изрядно попытеть. Но перед штурмом сложного подъема следует хорошенько передохнуть. Свой выбор я остановил на нижней ступени, но сразу отказался - побоялся отморозить мягкое место. На мне пальтишко не по сезону и модные туфли, опять же не по сезону, как у героя в известной новогодней комедии. Щеголь, это я о себе, позабыл о времени года и отправился на званный ужин по случаю грядущего Нового года, при этом легкомысленно отнесся к выбору одежды. И заранее не позаботился о транспорте, который вернет его домой. Надо было ехать в ресторан на своем автомобиле. Немного посидеть «на сухую», развезти подвыпивших коллег по домам, по дороге злиться и завидовать их бесшабашному веселью. Взвинченным, не расслабленным, встретить Новый год. В полном одиночестве. Вдвоем с... телевизором. Вот я опять скрытничая, даже с самим собой... А почему? Потому что мне одному на самом деле лучше. И я не пришел... пока... к «общему знаменателю», выразимся витиевато...

Меня приглашали в разные компании, но я находил вескую причину – у меня есть с кем встречать Новый год. В конце ставил жирную точку, чтобы у визави не появилось желание превратиться в следователя. Народ решил, что я нашел себе даму сердца. Глупо звучит – дама сердца. Именно так высказалась Иванна Карловна в разговоре с нашими девицами. Почему-то все выразительно посмотрели на Агриппину. Та стушевалась, не проронила из звука, но всем видом дала понять – активистка «попала в яблочко».

Я наблюдал за действием со стороны, через прозрачное стекло-стену своего кабинета. Я научился понимать по губам еще в подростковом возрасте. Из

азартного любопытства. Но в редких случаях прибегаю к помощи своих способностей. Меня не занимает чужая болтовня. Но на этот раз наши дамы попеременно поворачивали головы в мою сторону, поэтому я стал дистанционным участником разговора. В довершении своей речи Иванна Карловна хмыкнула, одарила Агриппнину «доброжелательным» взглядом и призвала всех небесных покровителей, чтобы заполучить меня в зятя, потому как некоторые - «ничего из себя не представляющие» - никоим образом не могут иметь ко мне никакого отношения в связи с полной несовместимостью. Граня проглотила «ничего из себя не представляющие», она считала себя первой красавицей в нашем дружном коллективе, и никто с этим не спорил – коллектив-то дружный, не склочный, в том числе и Иванна Карловна, добрейшей души человек, человек, который всегда первым откликается на любую просьбу или малейший намек. Но это в том случае, когда речь не идет о ее личных интересах, которые в корне не совпадают с чьими-либо. А личный интерес был один – выдать за меня, холостяка тридцати пяти лет, свою дочь-мамзель, порядком законспирированную матерью с «пунктиком». Иванна не перла танком, ограничивалась фразой, набившей оскомину. Вполне может быть, что законспирированная дочь пока не сказала «фас» - не дала добро на знакомство с холостяком тридцати пяти лет со всеми прилагательными – квартирой, машиной, должностью, зарплатой. Внешность тоже вполне себе ничего. Не писанный красавец, но и не Квазимодо...

Ноги, уставшие выписывать кренделя на льду, молили о передышке. Восхождение по крутой и многоступенчатой лестнице они точно не выдержали бы.

- Надо меньше пить, - вслух произнес я, вглядываясь с полутемную мглу. Фразу опять же позаимствовал у героя из известной новогодней комедии. Уличные фонари замыкались падающим снегом, но я смог рассмотреть прекрасную скамейку со спинкой, где я мог немного передохнуть. Некое раскидистое дерево непонятной породы стало для скамейки слегка дырявой крышей – прикрывало ее веткой, на которой взгромоздился белый пушистый снег. Снегопад все усиливался, эдак мне придется идти домой пешком. Тогда, тем более, надо набраться сил перед марш-броском.

Подойдя ближе, я заметил Нечто. Нечто сидело на скамейке, откинувшись на спинку и приткнув подбородок к груди. Нечто было припорошено снегом, потому я его не сразу заметил.

- Эй! – рявкнул я. – Не спи, замерзнешь!

Судя по обуви, почти вмерзшей в лед, можно сделать вывод, что человек сидит здесь давно, с той поры, когда на улице еще не подморозило. Получается, народ видел сидящего на скамейке человека и спокойно проходил мимо. Какое безразличие! И я бы прошел, не заметил, если бы не навалившаяся усталость. Но у меня есть оправдание – на дворе ночь. То ли дело в светлое время суток: бесчувственные люди проигнорировали сидящего без движения человека. Хотя, что вполне вероятно, Нечто сидит на скамейке не более трех часов: в это время я выходил из ресторана подышать свежим воздухом и отдохнуть от навязчивой Агриппины, и успел заметить, как первые боязливые и крупные снежинки без намека на соединение с дождем валяются с неба и тут же исчезают в наземных водах. Значит, температура еще не опустилась ниже нуля. В настоящий момент наземные воды сковало льдом, и заботливо прикрыло белым пуховым одеялом, включая некоторых личностей, тоже решивших оттянуться по полной.

Надо признать, что одной личности, прикрытой снежным одеялом, безумно повезло – появился я. Надеюсь, помощь не запоздала.

Я подошел к человеку вплотную, зачем-то освободил его от снега, догадался, что передо мной Дед Мороз, и я имею дело с плохим счетом: Дед Мороз не рассчитал свои силы. Каждый родитель любимого чада пытался отблагодарить дедушку, вручившему подарочек, известным способом.

- Эй, дедуля! – гаркнул я во всю силу своих легких. Снег с ветки-крыши от громкого звука обрушился на меня и Деда Мороза. Меня сие обстоятельство очень развеселило. Я пристроился рядом с дедулей, плечом к плечу, и продолжил веселиться. Прекрасный выдался вечерок!

Дед засопел, но глаза не открыл. Я пихнул его плечом, не рассчитав силу, в итоге Мороз Иванович завалился боком на скамейку. Недолго думая, подтянул ноги и подложил под щеку руки в парчовых рукавицах - устроился на ночевку со всеми удобствами. Меня сие обстоятельство - ночевка на морозе - не устраивало. Жаль бедолагу.

- Жив чертяка! – для начала восхитился я. - И то слава Богу. Но ты не спи. Слышишь меня, не спи!

Дед слышал, что-то промычал в ответ.

- Вставай! Поднимайся я тебе говорю! Околеешь на этой лежанке!

Я снова усадил Морозовича, снова сел с ним рядом, даже обнял его за плечи, чтобы тот не принял лежачее положение. Недолго думая, принялся его

тормошить. Со стороны торможение походило на раскачивание двух закадычных друзей. Не хватало лишь залихватской песни.

Я не преминул дополнить картину дружеских посиделок.

- А ты такой холодный, как айсберг в океане, а ты такой прекрасный, как летом эскимо.

Это я вспомнил арию волка из «Ну, погоди!» Только в мультфильме волк в начале пел «а я такой голодный...»

Дед зашевелился и тонким голоском затянул:

- Ла-лай-ла-ла, ла-лай-ла-ла...

- Где ты живешь? – сразу вклинился я со своим вопросом, пока Морозович вынырнул из небытия.

- Там, - махнул он рукой в сторону лестницы, которая пока стала непреодолимым препятствием.

- Ладно, потом разберемся. Для начала совершим восхождение.

Я поставил Деда Мороза на ноги, но он сразу рухнул на землю, я не успел его подхватить – реакция заторможенная, мне не стыдно, я расслаблялся. Дед совершил мягкую посадку, но был тотчас оторвал от земли моими мощными руками и взвален на спину. Удивительно, но дедок имел бараний вес, что странно – обычно на роль Деда Мороза выбирают могучих мужиков, что рост, что вес, что голос. А этот... плюгавенький какой-то. Да, хилые нынче пошли Морозовичи. Наверное, действовали согласно пословице – «на безрыбье и рак рыба». Теперь понятно, почему получил «травму на производстве» – хляк и слабак, никакой закалки.

Мысленно поминая недобрым словом людское безразличие – Дед Мороз мог окоченеть до смерти, я быстрым шагом преодолел лестницу вместе со своей ношей. Подталкивала вперед боязнь довести начатое безразличными людьми до победного конца.

Я хотел доставить тщедушное тельце до ближайшего медицинского пункта, но быстро представил недовольные лица медиков, уставших лечить обмороженных ряженных Дедов Морозов, теряющих профессиональную закалку, вновь осудил за безразличие теперь и медиков, заранее, так сказать – авансом, возомнил себя спасителем мира в лице данного Деда Мороза, завидев вдали два светящихся автомобильных глаза, бесстрашно вышел на проезжую часть.

Водитель затормозил заранее, выскочил из салона автомобиля и помог мне уложить дедулю на заднее сиденье.

- В больничку? – спросил водитель, усаживаясь на свое законное место.

Я устроился рядом и блаженным от накатившего тепла голосом ответил:

- Нет, вези ко мне домой. Там разберемся. – И назвал свой адрес...

Проснулся от болезненного тычка в бок.

- Приехали, - ворчливо сообщил водитель и озвучил сумму за проезд, занявший по пустым дорогам не менее пятнадцати минут.

- Офигел? – дружелюбно поинтересовался я и оглянулся на заднее сиденье, где с комфортом возлежал Дед Мороз без признаков жизни. – Надо было заранее... - Начал было я и осекся. Честно говоря, выбора у меня не было. И хитрюга-водитель об этом знал. Цену он конечно загнул, возможно и скостил бы чуть-чуть, но у меня не было сил для торга. И зачем портить такой прекрасный вечер обсуждением цены вопроса. Доставил до дома и на том спасибо.

Надо признать, что в теплом салоне автомобиля меня порядком разморило. Полуголые деревья, прикрытые кое-как белым ватным одеялом, водили вокруг меня хоровод. Тут бы самому до дверей квартиры добраться, а еще и дедка, пусть и с бараньим весом, на себе тащить.

Сначала я держал Деда Мороза за воротник, потом пристроил у своих ног, чтобы немного прийти в себя, заполнить легкие морозным воздухом. На набережной мне это помогло, слегка отрезвило.

Из моего подъезда выкатилась противная пенсионерка Клара Денисовна. Она вела на поводке такого же, как и она сама, противного пса по кличке... вы не поверите – Вальдемар. И не просто Вальдемар, а Вальдемар Федотович. Федотом кличут мужа Клары Денисовна, приятного во всех отношениях мужика. Я удивляюсь – как он живет с такой гримзой столько лет?! Я бы ее сразу убил, отсидел положенный срок за убийство, и уже бы вышел на свободу. А Федот всю жизнь мается, сидит за решеткой, и что самое ужасное – не в одиночной камере. Один плюс – его выводят на прогулку. Федот давно на пенсии, кем он работал я уже не вспомню. Попытался было вырваться из цепких лап супруги – устроить сторожем на склад, но та запретила – двух пенсий им вполне хватает на жизнь. Экономная старушка, без запросов.

Кларе Денисовне лет немало, но выглядит она неплохо, бабушкой-старушкой не назовешь. Да, и не приветствует она фамильярность.

При ее появлении я встал по стойке смирно и задержал дыхание. Ветер стих, но меня все равно пошатывало. Клара издали одарила меня презрением, что-то прошептала своему песику, скорее всего, осудила меня. Вальдемар Федотович, кудлатый болон, он же болонка, согласно тьякнул – тоже осудил. После чего приблизился у сидящему у моих ног Морозу Ивановичу. Не дожидаясь вступления хозяйки, осудил и Мороза Ивановича, громче и троекратно. Мороз Иванович очнулся благодаря неожиданному нападению и обиженно тьякнул в ответ. Вальдемар ретировался и спрятался за хозяйку.

Подслеповатая хозяйка приняла пьяненького Деда Мороза за собаченцию.

- Если вы, Матвей, завели себе собаку... больших размеров, то извольте обучить ее правилам хорошего тона. И водите ее на поводке и в наморднике. Будьте так любезны.

- Б... буду, - пообещал я, выискивая связь обучения правилам хорошего тона с размерами потенциального ученика. На всякий случай погладил нового приятеля по голове, которую он приткнул к моему колену во время «диалога» с Вальдемаром.

Между тем, соседка Клара решила успокоить своего питомца, ошибочно оценив его недовольство:

- Не переживай, милый, и не завидуй: мы тебе тоже купил такой наряд. Тоже будешь нашим дедом Морозом. Личным, - недолго думая, добавила она с нажимом. У всех людей общие Деды Морозы, у них – не так, как у всех.

Хорошее настроение вернулось ко мне, затмив закатившее недомогание. Душа требовала песен. Поэтому я затянул, с большим чувством:

- Собака бывает кусачей только от жизни собачей, только от жизни, от жизни собачей, собака бывает кусачей.

- Совсем молодежь ополоумела, - донесла до Вальдемара разумную мысль с налетом банальной престарелости Клара Денисовна. Вальдемар поддержал ее протяжным подвыванием, которое относилось к моей арии «заткни уши». В заключении пес требовательно гавкнул – требовал продолжения. Я повторил арию на бис, а Дед Мороз, подражая Вальдемару, отчаянно залаял.

- А с виду приличный молодой человек, - сокрушенно заметила Клара.

Я решил, что обращение адресовано Морозовичу и откорректировал ее слова:

- Совсем не молодой, старик уже. Видите, борода, усы... Что еще? Щеки... румяные... искусственно. Или румяные щеки – не показатель возраста?

- Я напишу на вас жалобу! – взвизгнула Клара, Вальдемар возмущенно хрюкнул. Кажется, он переметнулся на мою сторону: в их доме никто так прекрасно не пел, а песик обожал песнопения. – Напишу... этому... как его... участковому! Нет, лучше в... комитет по охране животных!

- Это в госдуме такой комитет? – уточнил я.

- Пойдешь по политической! – пригрозила мне соседка.

- Куда я пойду?

- В тундру!

- Сегодня я... не могу. Может быть, завтра? – вкрадчивым голосом поинтересовался я.

- Иди, собирай вещи. Ночью за тобой придут, - гробовым голосом оповестила меня Клара Денисовна.

- По тундре, по широкой дороге, где мчится поезд Ленинград-Воркута, - душевно затянул я, мне «подпели» два нечеловеческих голоса.

- Бедное животное, - покачала с осуждением головой Клара после того, как я, собака Вальдемар и Морозович угомонились. Прежнее обещание - одарить болона неожиданным подарком - благополучно забылось, или выиграла зависть, и моложавая старушка проворчала, – ужасную маску на морду нацепил, в какое-то тряпье вырядил. Точно напишу в комитет по защите животных.

От греха подальше я сграбастал своего «песика в маске» и двинул с ним на руках в сторону своего подъезда. Вальдемар проводил нас прощальным завыванием. Его зловредная хозяйка выразительно шикнула на него.

- Видела бы меня сейчас Иванна Карловна, - прошептал я, - она бы отказалась от своей мечты чтобы я стал ее зятем.

При этих словах Дед Мороз в моих руках зашевелился и тревожно вздохнул.

- Тебе плохо, друг? – заботливо спросил я. – Потерпи немного, скоро мы будем дома. У меня дома. Ты отдохнешь, выпишься, придешь в себя, а утром уйдешь на все четыре стороны. Никто тебя задерживать не собирается...

Я бросил бесчувственное тело на диван, прямо в одежде и обуви – что ж мне его еще раздевать! Еще чего! И в одежде поспит, тем более продрог до хрящиков бедолага, до утра авось отогреется.

Пока я освобождался от верхней одежды и обуви – все не по сезону, со стороны дивана послышался незнакомый звук.

Похоже на звонок мобильного. Дед Мороз только удобнее устроился на диване. Но я заметил, что из его кармана выглянул мобильный телефон. Действуя как опытный карманник, я двумя пальцами выудил чужой мобильник. На дисплее было написано «мама» и шла чередка цифр.

Я проявил находчивость: сбросил звонок и отправил беспокойной маме Морозовича сообщение следующего содержания: «У меня все хорошо. Перезвоню позже. Спокойной ночи». Дал понять, что раньше утра ждать звонка от сына бессмысленно.

Хотел выпить крепкого кофе, но быстро передумал. Доковылял до кровати и свалился на нее прямо в одежде, в знак солидарности с Дедом Морозом, пусть и не полной солидарности...

Меня разбудил пугающий звук. Но до этого мне снилось бескрайнее море. Я любовался морем, стоя на палубе белой яхте. Неожиданно началось волнение на море, яхту качало, вертело. В итоге яхта получила пробоину – раздался тот самый звук-треск, в трюме - течь. Спасайся, кто может! Я спасся без проблем – проснулся. Но звук... пугающий звук повторился. Меня преследует этот ужасный треск, что ли? Проблемы с головой? Или в голове шумит и стонет после вчерашнего возлияния?

Я обязан понять, что происходит.

Выйдя из спальни, я натолкнулся взглядом на красную шубейку, отороченную белым мехом, красную шапку, тоже с белым мехом. Рядом с чужим имуществом лежала кудластая борода с усами, возле дивана разбросались сапоги, изрядно поношенные и совсем не гармонирующие с более-менее приличным нарядом дарителя подарков.

Моя голова работала безобразно, точно сказывалась вчерашняя расслабуха, в связи с чем я подумал: Дед Мороз растаял. Зря я притащил его к себе домой, в теплую квартиру. На крайний случай, надо было его в холодильник впихнуть. Холодильник большой, а Дед Мороз маленький. Выродок. Один плюс- без проблем втиснулся бы в царство искусственного холода.

От разброса мыслей меня отвлек прежний треск, доносившийся из прихожей. Куда я и двинул в надежде во всем разобраться.

Раз Дед Мороз растаял, то в моем доме я обязан быть один. Ошибался.

Кого я увидел в прихожей? Думаете, отрезвевшего и, что самое обидное, невсамделишного Деда Мороза? А вот и нет! Никогда не догадаетесь.

Возле встроенного шкафа стояла молоденькая пигалица и с азартом проверяла все полки, ожесточенно скрипя при этом дверцами. На девице был теплый спортивный костюм, очень похожий на тот, какой я носил в детстве - с внутренним начесом. Получалось бесформенное чучело. Оказалось, бесформенным чучелом был не я один, девица в том числе.

Я обратил внимание на ее ноги в полосатых носочках. Почему обратил? Потому что пальцы на ногах шевелились, выказывая волнение и судорожное обдумывание дальнейших действий. Девица была блондинкой с длинной косой, которая бубликом выглядывала из-под ворота спортивного костюма с начесом. Видимо, до этого коса была запрятана под костюм, но во время поисков... чем бы поживиться в квартире олуха, который привел в дом незнакомую девушку, домушницу, вырядившуюся Дедом Морозом, подвылезла.

Я спокойно наблюдал за ее действиями. Но недолго. Девушка Дед Мороз почувствовала спиной мой сверлящий взгляд. Сначала замерла, потом слегка повернула голову в мою сторону.

- Доброе утро, - как ни в чем ни бывало поприветствовала она меня.

- Привет. Что ищем?

- Спасибо вам за то, что не дали мне замерзнуть... Привели к себе...

- Принесли, - скорректировал я ее благодарное высказывание, говоря о себе в третьем лице.

- Всё... было... так плохо?

- Главное, чтобы на утро было хорошо. Вам хорошо? Комфортно?

- Вполне. Только пить хочется. Жажда замучила.
- В стенном шкафу воды нет. И не было никогда. Вам надо поискать... водопой на кухне.
- Мне... как-то... неловко... шарить по квартире.
- А по шкафам шарить ловко? – беззлобно, даже весело, спросил я.
- Валериана, - промямлила гостя, изобразив на лице страдание. Естественно, решила уйти от ответа.
- Дома не держу. Я, знаете ли, здоров, как бык.
- Вы не поняли, меня зовут Валериана, в честь прадедушки-орденоносца так назвали, Валериана Евграфовича. А я теперь мучаюсь.

Я взгляделся в лицо Валерианы и понял, что передо мной не молоденькая пигалица. Конечно, до пенсионного возраста ей еще далеко, но к тридцатнику она подкатила. Вдруг мне стало неловко. Можно подумать, молодого вора позволительно хватать за руку, а не совсем молодого – зазорно. Как будто, это хватание ударяет по его самолюбию, а я, чего отродясь не бывало, пекусь о его болезненно-ранимом самолюбии.

- Бывает, - ляпнул я, не подумав, имея в виду ее редкое имя. Без всякого ерничества. Опомнился и назвался, - Матвей.
- Вам повезло.
- Очень приятно, - не к месту сказал я, имея в виду недавнее представление друг другу. Сориентировался быстро, - приятно познакомиться... Пусть и при таких... обстоятельствах.
- Вообще-то, я не пью... Не так, чтобы в рот не беру... По праздникам... И без фанатизма. А тут... Так вышло, - покаялась Валериана. – Я работаю в детском саду, воспитателем. Зарплата у воспитателей... сами знаете. Приходится подрабатывать. Когда, если не в новогодние праздники.
- И всегда Дедом Морозом? – заинтересовался я искренне.
- Что вы! – кокетливо отмахнулась девушка. На самом деле, вышло у нее естественно, без кокетства. Это я себе напридумал, чтобы создать барьер между нею, той, что внезапно завладела моим вниманием, и собой, наслаждающимся холостяцкой жизнью. Не сказать, что она была красивой или необычной – с голубыми глазами, ногами, грудью, фигурой. Просто женщина-подросток. Наивная, милая. Несуразная в своем спортивном

костюме, купленном на скудную зарплату работницы дошкольного учреждения.

- Неужели снежинкой? – усмехнулся я, с трудом отводя от нее взгляд. Сосредоточился на дверце шкафа, которую она крепко зажала своими пальчиками.

- Снегурочкой! – гордо объявила Валериана. – Но мой постоянный Дед Мороз, наш завхоз, Матвей Анатольевич, кстати, ваш тезка, свалился с гриппом. А заменить некем. Пришлось мне... Лучше один Дед Мороз без Снегурочки, чем одна Снегурочка без Деда Мороза, - философски рассудила она. И на всякий случай поинтересовалась моим мнением, - ведь так?

Я влюбился в дверцу своего встроенного шкафа. Прямо пожирал ее глазами.

Валериана без труда заметила мой интерес.

- Вы не подумайте... чего плохого... Я никогда... не возьму чужого... Поверьте.

Я ей тотчас поверил. Но вида не подал, тем более меня поглотила любовь к неодушевленному предмету, с которым я был знаком на протяжении многих лет и уже предполагал с ним вскоре расстаться.

- Я проснулась... Сначала не могла понять, где нахожусь, - продолжала вещать девушка, - потом увидела вас спящим, обо всем догадалась... Не стала вас будить, вы так сладко спали... Даже улыбались во сне... Перед уходом хотела оставить записку с благодарностью...

- Искали бумагу и ручку? – перебил ее я. Очень хотел, чтобы она замолчала. Но зачем-то задал вопрос. Не выставил ее из дома.

- Я искала... этот... как его... Господи, что со мной?! – взывала Валериана.

- Клептомания, - нашелся я. – А искали вы чем бы поживиться. Не буду вам мешать.

- Пойдите, - остановила меня гостя.

Я не мог ее больше видеть. Не было сил просто так на нее смотреть. А хотелось сграбастать, как накануне, и носить по квартире, приговаривая: «Ты моя Валерианочка, ты мое лекарство от всех болезней...»

Что ж за наваждение такое! Неужели во всем виновато мое постоянное одиночество? Ключнул на первое, что появилось в моей квартире? В таком затрапезном виде.

Такое наивное, доверчивое. Искреннее. Непохожее на нынешних девиц-ломак.

Она совсем ребенок. Снегурочка. Внучка Деда Мороза.

- Матвей, неужели вы подумали, что я... - со слезами завелась она и тут же смолкла.

Мне пришлось остановиться, повернуться, обратить на нее внимание.

И где она взялась на мою голову! Чужло мое сердце – не надо было ходить на корпоратив. Или отправиться в ресторан «Пристань» на своем автомобиле. Приехал, уехал, развез, вернулся домой, где тишь, гладь и спокойствие. Благодать.

Где ты, мое спокойствие?! Кто стал причиной твоего выдворения из моего дома, из моей души?

Разве подобное возможно? В канун Нового года все возможно. В чудеса верят не только дети.

- Валериана, успокойтесь, я ничего плохого о вас не подумал.

- Нет, подумали! – сквозь слезы взвизгнула она и притопнула ножкой. Как капризный ребенок. А еще воспитательница!

- Я готов вас терпеливо выслушать, - покаянно опустил я голову. Чтобы не лицезреть эти заплаканные глаза. Что со мной происходит? – Но давайте ваш монолог совместим с завтраком.

- Я есть не хочу. Я пить хочу. И еще... чашку крепкого кофе... Если можно.

- Щас все будет! – излишне кривляясь – от волнения и возбуждения - гаркнул я. - Прошу на кухню.

Пока я варил кофе, Валериана сидела за столом на табурете и смотрела в окно. Сегодняшний день был совсем другим, не чета предыдущему: ни тебе снега, ни дождя, только сильный ветер работает дворником – разметает снег по углам. А зимнее солнце осторожно наблюдает за его очистной работой и пристально изучает островки серо-ледяной земли с налетом белизны, словно примеряется, за что бы зацепиться. Видимо, зацепилось за люк, на котором лежал дворовой пес, скрутившись калачиком и спрятав нос. Вокруг люка земля была влажной и темной, что портило лично мое впечатление.

Краем глаза я наблюдал за своей гостьей. Она то морщила нос, то вздыхала. Уголки губ то опускались – выражала страдание, то поднимались – на смену

страданию легко приходило запрятанное веселье. Наверное, девушка решила, что без труда обведет меня вокруг пальца. Я ей поверю и отпущу без задержки.

И поверю, и отпущу.

Поверить хочется, отпустить – ни капельки.

И хочется, чтобы она нашла такое объяснение своему поведению, в которое я, всегда недоверчивый человек, беспрекословно поверю. Сразу, без раздумий.

Я - человек, который не всегда доверяет своим словам.

Всегда казалось, что ложь мне претит. Главное – себя убедить. Я себя убедю... Убежу... В общем, я ей поверю. Я ей хочу верить. А потом найду причину ее задержать.

Черт, надо было позвонить с ее телефона на свой – узнать номер. Но кто бы мог подумать, что вдрызг пьяным Дедом Морозом окажется занимательная девушка по имени Валериана.

Гостя так увлеклась своими мыслями, что не заметила, как перед ней оказалась чашка с горячим кофе и тарелочка с печеньем. Я наскоро намазал печенье сливочным маслом. Недолго думая, нахлобучил на импровизированный бутерброд еще печенье, заодно скрыл неэстетическое первоначальное «оформление».

- О, пирожное, - очнулась Валериана. – Обожаю! Мне мама всегда так делала в детстве. Я сливочное масло на дух не выносила, а между печеньями – пожалуйста. Уплетала с чаем за обе щеки.

- Я и сейчас люблю. На завтрак ничего не могу в себя запихнуть, а это, - я указал на пирожные, - пожалуйста.

Мы улыбнулись друг другу. Но не открыто, не по-дружески, а как улыбаются два незнакомых человека, один из которых указал другому нужный дом, вокруг которого тот ходил кругами как заговоренный достаточное время. Мимолетная улыбка в благодарность.

Девушка не стала откладывать дела в долгий ящик, хотелось поскорее развязаться с объяснениями, расстаться с неловкостью, и прожевав печенье, сделал внушительный глоток кофе, призналась.

- Я искала посох. Наконец, вспомнила, как он называется.

Я недоуменно уставился на нее.

- Ну, посох... Поняли? Мороз Воевода дозором обходит владенья свои... Указывает посохом на голое деревце, и оно миглом укутывается в снежное одеяло. Поняли? – повторила она. – Ну, посох! Палка у деда Мороза в руках! Он ею стучит по полу...

- Детей пугает, - задумчиво добавил я, усиленно пытаюсь себя убедить: я ей верю, я верю... Но разве можно поверить в этот бред?

- Вижу, вы мне не верите, - вздохнула Валериана, прочитав мои мысли. – И не пугает Дед Мороз детей таким способом, тоже скажете, он извещает о своем прибытии.

- Но почему ваш... э-э-э посох должен находиться в моем шкафу в прихожей?

- Вы могли его туда положить... автоматически. Чтобы он под ногами не валялся. У вас кругом такая чистота...

- Была, пока вы не появились, - взбрыкнул я, не успев притормозить.

- Извините. Я сейчас соберу все свои вещи и уйду. Вот только посох...

- Не было при вас никакого посоха. Я вам точно это говорю. На скамейке, где я вас обнаружил... спящей, посоха не было. Вы его где-то потеряли. Или у кого-то забыли. вспомните, по какому адресу вы были перед тем как... заснуть? Вероятнее всего, это было в районе набережной. Там неподалеку есть новые высотки... и строения старой застройки. А почему вас так волнует посох, а не волнует мешок с подарками? – опомнился я.

- Мешок это не проблема. У меня дома есть запасной. А подарков в нем не было. Подарки мне заказчики дают на пороге, втайне от детей... Последний заказ был в ресторане на набережной.

- «Пристань»? Ресторан называется «Пристань»? – спросил я, проверяя ее на «вшивость»: я точно помню, что к нам на корпоратив никакой Дед Мороз не приходил, ни здоровяк, ни плюгавый.

- Нет, хотя название я не помню... У меня в кармане, в шубе, есть блокнот. В нем всё записано. – Валериана подхватила с места и побежала в комнату, где на диване отдыхала ее шуба. Вернее, не ее, а Деда Мороза.

Вот почему шубейка была ей сильно велика – с чужого плеча. Я это еще вчера заметил, даже будучи в подпитии.

Девушка вернулась на кухню, приклеив взгляд к раскрытому блокноту.

- Вот, черным по белому написано – ресторан «Океан».

- Знаю такой. Неподалеку от него ресторан «Пристань», где я вчера праздновал Новый Год... со своими коллегами, - зачем-то добавил я, будто отчитывался перед ревнивой невестой. – Надо поехать в «Океан» и поспрашивать о вашем посохе, - посоветовал я с показной неприязнью – дал понять, чтобы она выметалась из моего дома, да поскорее, причем я ей в поисковых делах не помощник.

- Я так и поступлю, - без обиды заявила Валериана. Но решила отложить свой уход. Присела на табурет и взялась за очередное пирожное.

Я едва сдержал улыбку.

- Сомневаюсь я, что посох будет дожидаться меня в ресторане. Ему давно «приделали ноги». Веселился народ, что ж такого.

- Ну, и не беда. Мало ли палок везде валяется. Приукрасите палку – обмотаете ее мишурой, нахлобучите сверху какой-нибудь шар – вот вам и новый посох. Покруче прежнего получится, если смекалку приложить.

- Это вам так кажется. А мне беда, еще какая. За утерю хотя бы одной мелочи с костюма, мне предстоит заплатить как за новый костюм плюс штраф. Получается немалая сумма...

- Говорю же вам: сделать новый посох – не велика проблема.

- А я вам говорю – проблема!

- Чем же ваш посох уникален?

- С виду – ничем, - обиженно протянула Валериана, вина меня во всех своих проблемах. Она посмотрела на свои наручные часы, - когда мне заниматься поисками палки? Когда мне ее украшать мишурой и шары нахлобучивать? Я вас спрашиваю?

- Хороший вопрос. Главное – по адресу.

- Да вы-то здесь причем? – с укоризной спросила девушка. – У меня совсем нет времени. Ровно в пятнадцать ноль-ноль я обязана передать весь реквизит новому Деду Морозу. Вместе с посохом, - добавила она язвительно.

Мне показалось, что Валериана проверяет меня на «вшивость» - окажешь помощь, получишь карт-бланш с ее подписью. Вписывай в пустое поле что угодно, она обязуется все исполнить в кратчайшие сроки. В кратчайшие это

неплохо. Очень даже неплохо, потому как мысли о сграбастывании меня доконали.

- Что же делать, ума не приложу, - между тем продолжала сокрушаться моя гостья.

- Дать вам денег на костюм и на штраф? – разозлился я: ясно - имею дело с вымогательницей, причем с профессиональной вымогательницей. Вон как ловко врет и не краснеет. Отличное объяснение для меня – человека, подхватившего известную болезнь, который пытается всеми способами от нее излечиться.

- Вы... вы... Не нужны мне ваши деньги! Спасибо за кофе!

- А за пирожные?

- Тоже спасибо.

- А за спасение?

- Уже благодарила! Но мне не сложно, могу еще повторить – великая вам благодарность за то, что не дали замерзнуть на морозе, обогрели, спать уложили, накормили... А где собака? – поинтересовалась девушка совсем другим тоном, не взвинченным.

- Какая собака? -не сразу понял я.

- Такая маленькая... лохматая? И очень гавкучая.

- Это соседская болонка. Вальдемаром кличут.

- Надо же, Вальдемаром... Вальдемара я помню, хоть и смутно. И больше ничего и никого. Вас в том числе.

Я с трудом оторвал взгляд от Валерианы, уставился в окно и заметил соседку Клару Денисовну, которую выгуливал во дворе важный болон Вальдемар Федотович.

- Легки на помине, - восхитился я по причине своей прорицательности. И пояснил для особо бестолковых, недоуменно хмыкнувших и не соизволивших заинтересоваться заочными умеренными страстями. - А вот и Вальдемар со своей хозяйкой.

Валериана, наконец, оторвала зад от табурета – привстала. Видимо, обзор был ограничен – дама с собачкой не попала в «объектив», посему пришлось прервать утреннюю трапезу – поставить на стол чашку с недопитым кофе,

засунуть в рот остатки «пирожного» и подтянуться к окну. Валериана оттопырила зад, распласталась по подоконнику, прямо как я накануне во время прогулки по набережной. Скажем честно – привела меня в замешательство. Чтобы не натворить глупостей, я пристроился рядом с ней, мысленно помянув девиц под окном из поэмы Александра Сергеевича, только нас было двое, и не все, прямо скажем, были девицами, всего лишь одна, а там, в поэме, целых три. И они не пялились в окно, а трудились от зари до зари – пряли, между делом ведя беседы о своих мечтах. У меня пропало желание что-то говорить. Горло заложило, и умных мыслей не осталось. Было одно желание, прежнее – сграбастать эту девицу в ужасном костюме и нести разную околесицу с захлебыванием.

Но в данный момент я предпочел присоединиться к Валериане и с таким живым интересом принялся изучать свой двор, как будто по двору разгуливал гребнистый крокодил – семиметровый красавец весом в две тонны. Приятное зрелище – наблюдать за таким крокодильчиком с четвертого этажа, потому как тебе ничего не грозит.

Как бы я не волновался рядом с этим полупугалом в лыжном костюме с начесом – нарочно так называл девушку, чтобы «охолонуть», как говорила моя бабушка, я держал дистанцию, не касался даже плечом, а взгляд мой был устремлен наружу. В связи с чем, без особо напряжения зрения я увидел, как у соседнего подъезда затормозил отечественный автомобиль, покрытый толстым слоем грязи, оставшейся со времен оттепели. С заднего сиденья выпорхнула Снегурочка, с пассажирского выкатился огромный Дед Мороз. Водитель пристроил автомобиль на свободное место на парковке перед домом. В это время дед с внучкой о чем-то оживленно спорили, не торопясь на очередной вызов. Их явно ждали в соседнем подъезде, к которому подкатил четырехколесный друг отечественной сборки.

- Посох, - задумчиво прошептал я, одновременно пытаюсь вникнуть в суть бурных споров поздравителей противоположного пола. Снегурочка требовала у деда «придержаться поводья», у них еще семь адресов, а он почти лыка не вяжет. Дед возмущался, утверждал, что он в полном уме и памяти, и кое-кому надо у него поучиться, как вести себя в гостях: если люди к тебе со всей душой, то ни в коем разе нельзя им отказывать. Так-то вот.

- Его посох очень похож на мой посох, - пробубнила Валериана.

- Разве все посохи не братья-близнецы?

- Нет, конечно.

- Валерина, у меня есть план!

- Но как же...

- Уверен, что у этого Деда Мороза заработок гораздо выше, чем у вас. Не обеднеет, если заплатит штраф за утерю имущества.

- Я не могу за это пойти, - пролила она бальзам на мою душу.

- А я могу!

Наверное, я сошел с ума из-за этой обыкновенной девицы. Но если начал сходить с ума, иди до конца, не сворачивай... Безумствуй напропалую!

- Быстро в койку! – процедил я сквозь зубы, при этом схватил девушку за плечи и встряхнул.

- А в глаз не хочешь? – миролюбиво поинтересовалась она, являя перед моей физиономией крохотный кулачок. Обхохочешься.

Что угодно я ожидал от нее услышать – возмущение с клеймением, уговоров с откладыванием предстоящего действия, предложенного мною, даже беспрекословного согласия – чего скрывать, надеялся, но был бы глубоко разочарован – легкая добыча меня никогда не прельщала. Напротив, становилось гадко на душе. Чего не ждал, так это угроз с физической расправой.

Я закатился хохотом, но быстро смолк, схватил женский кулачок, притянул к своим губам и звонко чмокнул.

- У меня... разряд... по шахматам... то есть по карате... не разряд... черный пояс у меня, - запинаясь, проговорила Валериана. - Так что лучше тебе со мной не связываться, насильник, - кое-как совладав с волнением, пригрозила она. В слове «насильник» девушка так долго тянула букву «и», что у меня появилась тревога за ее «дыхательную гимнастику».

- Я сказал в койку, значит, в койку, - заботливым голосом проговорил я, - и чем скорее, тем лучше.

- Я... сейчас...

- В койку! – рявкнул я. – Теряем время! Ты ложишься на мою кровать, под одеяло и тихо-мирно ждешь...

- Офонарел?!

- Дурочка, я пытаюсь тебе помочь. Делай, как я сказал! А я за Дедом Морозом!..

Я набросил на себя куртку, сунул ноги в вчерашние туфли, странным образом лежавшие друг на друге, причем наперекрест, и улетел на улицу, мечтая об одном – чтобы очередной Морозович в моей жизни не успел скрыться в неизвестном направлении.

Моим мечтам не суждено было сбыться. Одно счастье – автомобиль, он же сани Деда Мороза, стоял на прежнем месте. Рядом с автомобилем прохаживался водитель, показательно держа в ладони курительную трубку по примеру вождя народов. Между делом водитель пререкался в Кларой Денисовной, пытавшейся его перевоспитать. Она призвала меня в союзники, но я невежливо отмахнулся, встал к Кларе спиной, прикрыв собой языкатого водителя.

- Где Дед Мороз?

- Работает, - был мне дан пространный ответ.

- Где мне его найти? Он мне нужен позарез! – Для подтверждения своих слов я рубанул ребром ладони по своему горлу.

- Время сейчас такое – всем Дед Мороз нужен.

- Мне не нужны твои рассуждения, мне нужен Дед Мороз, - разозлился я.

- Чего ты ко мне вяжешься?! Откуда я знаю, куда он пошел!

- Друг, мне очень надо, - печально протянул я, - дело жизни и смерти.

- Скоро вернется, не испарится, не сомневайся, - пошутил мужчина средних лет, попыхивая трубкой. Моя печаль была ему до лампочки.

Я отошел чуть в сторону от «саней» и взглянул на свои окна. В окне гости не было. Надеюсь, она исполнила мой приказ, что станет свидетельством ее догадливости. Ни в коем случае, не податливости. Не люблю податливых.

Я был больше сосредоточен на том самом подъезде, к которому подкатили «сани». Так сосредоточен, что не услышал шагов и дернулся, когда под ухом раздался голос подкравшейся ко мне Клары Денисовны.

- Нет, ну вы слышали...

- Не слышал, - прервал я ее на полуслове. И слышать ничего не хочу.

- У вас какие-то проблемы? Неужели собачка заболела? – спросила соседка, расширив глаза до ужасающих размеров. Для нее самым страшным была болезнь домашнего питомца.

- Как сказать,- развел я руками. – В общем, да. Занемогла.

- Надеюсь, она скоро поправится. У меня есть хороший ветеринар...

- Спасибо, мы обойдемся своими силами.

- Почему вы здесь?! – требовательно спросила Клара Денисовна. – Вы обязана быть рядом с ней!

- У меня уважительная причина – я жду возвращения Деда Мороза.

- Зачем он вам?

- Собачка очень просила привести его к нам в гости.

- Разыгрываете? Конечно, я тоже разговариваю со своим Вальдемаром Федотовичем, он мне отвечает... по-своему, и я его как-то понимаю... Но не всегда.

- Мой песик разговаривать не умеет, но может изложить свою просьбу в письменном виде. Ослабевшей рукой... лапой написал на листе бумаги свою просьбу, я поспешил ее выполнять. Повезло, что увидел возле нашего дома Деда Мороза и Снегурочку. Сейчас вот стою, жду.

- Мда, - призадумалась хозяйка болонки по кличке Вальдемар. Хозяйка воспринимала чужие успехи и достижения с большой личной болью. И обидой на кого-либо, в данном случае, на Вальдемара, до сих пор не выучившегося письму. – И чего ты молчишь, как пень?! – взвилась она. – Нормальные собаки приглашают к себе в гости Деда Мороза. А ты... дурак дураком.

Вальдемар Федотович жалобно заскулил.

- Не дурак, не дурак, - попыталась исправить свою оплошность Клара. – Прости меня, моя радость, - засюсюкала она. А хочешь повеселиться с Дедом Морозом?

У меня появилась конкурентка. Надо ее устранить. Или перехитрить. В свою же пользу.

- Вальдемарчик, - тоже засюсюкал я, устроившись перед болонкой наприядки, - вот скажи, зачем тебе Дед Мороз?

Вальдемарчик в ответ твякнул, а я перевел для непонятливых.

- Дед Мороз ему не приглянулся.

- Да и мне тоже, - призналась Клара Денисовна, сыграв мне на руку. – Какой-то он потертый. И кажется, не совсем трезвый.

- Где вы видели трезвого Деда Мороза? – усмехнулся я. – То ли дело – Снегурочка. Милое очаровательное существо. Могу пойти вам, Клара Денисовна, на встречу – забирайте себе Снегурку, я обойдусь одним Дедом Морозом.

- Спасибо вам, Матвей. – Клара впервые назвала меня по имени. – Как думаете, они согласятся пойти к нам в гости?

- Смотря, сколько им предложить.

- Для своего ребенка я ничего не пожалею!

Водитель «саней» при этом осуждающе покачал головой, но тут же подобрался и сообщил шпионским голосом:

- Вон ваши Дед и Снегурка.

Клара Денисовна ринулась в бой. Снегурочка не устояла от ее напора, а может быть, польстилась на некую денежную сумму, впечатлившую ее, но обе дамы скрылись в нашем подъезде. Я подкатил к Деду Морозу. Тот подсобрался, встряхнулся, стукнул по земле посохом и собрался что-то донести до меня, разумное, доброе, вечное, но я его перебил:

- Дедуля, ты должен спасти моего ребенка. Дочь у меня больна. Одна надежда на тебя. Естественно, визит будет хорошо оплачен.

- Чего не сделаешь ради больного ребенка, - праведным голосом произнес старикан. – Веди меня к ней!

Водитель попытался что-то сказать, но Дед Мороз его сразу осадил:

- Эдуард Степаныч, я скоро вернусь. Все хорошо.

Но Эдуард Степаныч ухватил своими клещами меня сзади за куртку и пригрозил:

- Кончай ломать комедию, а то плохо будет.

- Если ты и правда подумал, что я веду его к собаке, то ты глубоко ошибаешься. У меня дочь больна. Мы с женой в разводе, она уехала на юг с новым хахалем, а мне дочь оставила на праздники. А дочь возьми и заболей. Ни тебе

на елку сходить, ни хоровода вокруг елки поводить. Не веришь? Пошли с нами.

- И пойду!

Водитель прихватил меня под локоток и потянул за Дедом Морозом, который успел отойти на пару метров. Мы его догнали, я скорректировал направление.

Пока я раздумывал, как отделаться от водителя, трезвого человека, который не позволит свистнуть чужой посох и запомнит номер моей квартиры, ситуацию помог исправить Дед Мороз.

- Эдуард Степаныч, вам со мной нельзя. Вы обязаны быть возле транспортного средства. Я скоро вернусь, и мы поедем.

Пришлось Степанычу вернуться к «саням».

Я доставил Морозовича до своей квартиры, и громким голосом оповестил «дочь» о нашем приходе.

Валериана лежала на моей кровати, прикрывшись до глаз одеялом. Глаза сверкали, как у напроказничавшего ребенка.

- А вот, доченька, и дедушка Мороз! Он принес тебе подарки! - Я сунул в руки дедушки первое, что попало мне под руку. Это была электробритва, подаренная мне матерью незадолго до описываемых событий. Впрочем, деду без разницы, какой подарок вручать.

Я подмигнул Валериане и скрылся из спальни. Передо мной стояла важная задача – найти что-то, что могло заменить посох. Без палки Дед Мороз отсюда не уйдет, он с ним сроднился. Валериана не успела вжиться в роль Деда Мороза, не сроднилась с посохом, опять же не рассчитала свои силы, поэтому потеряла важную новогоднюю деталь. Наш дед – мужик прожженный, в своем деле «собаку съел», это заметно невооруженным глазом, в связи с чем обмануть его при помощи лишних сто граммов мне не суждено.

Разные мысли копошились в моей голове, но ни одной разумно-подсказывающей.

На глаза попалась напольная вешалка. В данный момент моим столярно-разборным способностям позавидовал бы специалист экстра-класса. Причем я старался всё проделать без потерь и без лишнего шума. Хотя, бас Деда Мороза мог заглушить работающий экскаватор.

В приглянувшемся Валериане шкафу, стояла коробка с новогодними украшениями, приготовленными для моей мамы. Она предложила забрать коробку, чему я был рад – предпочитал не хранить ненужные вещи. Елку я не наряжал, квартиру не украшал. Сейчас мне пригодилось новогоднее имущество. Кое-как я обвил палку, бывшую еще недавно стойкой для напольной вешалки, блестящей серебряной мишурой, края закрепил скотчем. При этом внимательно слушал рекламацию Деда Мороза. Естественно, он читал стихи о себе любимом, моя «дочь» хлопала в ладоши и смеялась. На тяжело больную она была похожа так же, как я на известного балетного танцора Николая Цискаридзе.

Решив, что работа окончена, я оценил ее визуально и вспомнил о шаре, который предлагал нахлобучить сверху. Вот с шаром у меня были большие проблемы. Что же делать?

Вместе с новым посохом я прошел на кухню. Холодильник включился и затарахтел, тем самым привлекая к себе мое внимание.

- И что ты хочешь мне сказать? – прошипел я, с ненавистью поглядывая на безмозглое существо, отвлекающее меня от работы мысли. – А что у меня лежит в холодильнике? Еда, фрукты, овощи, - начал перечислять я. – Овощи... Свекла... Большая и круглая. Мама хотела сварить мне борщ, но я пресек ее желание на корню – на фига мне борщ в новогодние праздники. Спасибо тебе, мама!

Я нырнул в холодильник, вытащил свеклу, быстро проделал в ней глухое отверстие, примерил к палке-посоху. Не влезает. Придется увеличить диаметр отверстия. Я очень торопился. Так торопился, что воткнул себе нож в руку. Тихо взвыл от отчаяния, не от боли. Ну, как не ко времени это полученное увечье. Замотал окровавленную руку кухонным полотенцем, на котором был вышит важный петух. Полотенце принесла мама: следующий год – год петуха по восточному календарю. Она хотела, чтобы в моем доме прижился символ будущего года.

Он не только прижился, но и сменил цвет – стал красным. От крови. Это я так глупо шучу.

Свекла-набалдашник славно села на посох. Я взял рулон фольги, оторвал кусок и обернул набалдашник. Получилось весело и блестяще.

Остался последний этап – подменить посох.

Свое произведение искусства я поставил в прихожей, всунув в щель между шкафом и стеной. И тут же появился Дед Мороз. За ним семенила моя «дочь» в своем любимом костюме, в настоящий момент напоминающем теплую пижаму. «Дочь» шла на цыпочках и напряженно осматривала окружающее пространство, будто ожидала нападения извне.

Я принялся благодарить Деда Мороза за проявленную чуткость, он кривился и ждал чего-то более существенного, ощущаемого гортанью и ладонями. Я сунул ему в руки тысячную купюру, он почмокал губами и изрек:

- Ну те-с, извольте-с...

- Пожалуйста на кухню, - догадалась «тяжелобольная», проходя мимо, ткнула меня в бок и вопросительно дернула головой. Я показал ей большой палец.

Дед отказался садиться за стол, опрокинул в себя стопку водки и закусил соленым огурцом. При этом посох не выпускал из рук.

Я изобразил руками перекасти-поле, дав понять Валериане, что необходим алаверды – подмена посохов.

Между тем Морозович, порядком взопревший от усердия во время декламации и выпитой стопки горячительного, направился в прихожую и так бы и ушел без всяких алаверды-подмен, но «дочь» заканючила:

- Дедушка, возьми меня на ручки. Я хочу загадать желание. Если я буду в это время сидеть у тебя на руках, то желание обязательно исполнится.

Дед не стал ломаться, подхватил своими могучими руками тщедушное девичье тельце. Девчушка овила его голову руками, перекрыв обзор. Я быстро сориентировался: теперь настоящий посох занял место своего соплеменника-самозванца.

- Ну, вот и все! - объявил я громко, чтобы «дочь» освободила Деда Мороза от объятий. После чего ляпнул, как будто был режиссером фильма, который закончил снимать, - всем спасибо, все свободны!

Дед попрощался и ушел, а Валериана прошептала:

- Развлекуха.

- Неплохо сработано, - тоже шепотом произнес я.

- Что у тебя с рукой?

- Бандитская пуля. До свадьбы заживет.

- Можно мне посмотреть?
- Говорю же – ерунда.
- А если Дед Мороз что-то заподозрит?
- Заподозрит, да поздно будет. Вам надо как можно скорее вернуть всё что положено в положенное место. – Блеснул красноречием, ничего не скажешь!
- Да-да, я сейчас соберусь. Я быстро. Спасибо вам за помощь.
- Всегда пожалуйста.

Она собиралась, одевалась, я стоял столбом в прихожей. Наконец, опомнился, когда она открыла входную дверь.

- Я вас довезу, моя машина стоит на парковке возле дома.
- Ой, спасибо. А то мне неловко ходить по улице в таком виде, а денег на такси нет.

Мы спустились во двор, устроились в автомобиле. Валериана сказала мне куда ехать.

Конечный пункт назначения был жестоко близок.

- Еще раз спасибо вам, Матвей.
- Кажется, мы успели перейти на «ты».
- Кажется... Прощайте.

Она не двинулась с места. Мы сидели рядом и смотрели строго перед собой.

- Почему ты мне помог? – первой прервала затянувшееся молчание Валериана.
- А что ты загадала, сидя на руках Деда Мороза? Между прочим, я неожиданно тебя приревновал к нему.
- Приревновал? – переспросила девушка, сильно растянув слово - выказала удивление. В удивлении присутствовала плохо скрываемая радость. – Но раз ты приревновал, то я могу сказать правду... Хотя... Если я открою тайну, то желание не сбудется.
- Сбудется, я точно знаю.

Я всегда отличался острым умом и наблюдательностью. Без ложной скромности говорю.

И всегда думал, что до конца жизни останусь холостяком. До сегодняшнего дня думал, пока не повстречал это получучело в костюмчике с начесом и полосатых носочках. Что за прелесть!

И разве дело во внешнем виде?! В фигуре, глазах, ногах, размере груди?

Дело в понимании: ты сразу понимаешь, что это ТВОЙ человек. Твой, другого такого нет и быть не может.

И что бы она мне сейчас не сказала, какую бы глупость не сморозила взамен того, что должна сказать – открыть свою тайну, которая легко читается по ее глазам, я все равно не отпущу ее от себя.

- Ты хочешь, что мы поженились в этом году? Будем ждать пока моя рана заживет?

- Как... ты догадался о моем желании?

- А почему ты ЭТО загадала?

- Тебе обязательно надо «разжевать и в рот положить»?

- Вообще-то я очень сообразительный, но в данном случае хочу услышать из твоих уст...

- Не выношу банальности про любовь с первого взгляда. Когда слышала нечто подобное с экрана телевизора, меня всегда коробило.

- Не верила?

- Никогда не верила, что подобное бывает. Тем более, что может произойти со мной.

- И я не верил. Не верил, что любовь существует.

Я притянул ее к себе – заграбастал. И начал неистово целовать. Какая она вкусная, какая сладкая, какая необыкновенная.

Как здорово, что я согласился пойти на новогодний корпоратив, покинул «Пристань» раньше времени и не прошел мимо человека, который в одночасье стал для меня всем...

Уже через десять минут, когда Валериана вернулась ко мне в нормальном девичьем виде, мне сообщили, что я обязан познакомиться с будущей тещей. Ее мнение значения не имеет, но...

Когда мы подъехали к дому, где жила Валериана вместе с матерью, в мою душу закрались смутные сомнения. Я ни единожды подвозил свою активную коллегу домой. Я взял в руки букет цветов – для будущей тещи и спросил:

- Как зовут твою маму?

- У нее очень красивое и оригинальное имя – Иванна. Иванна Карловна.

- Твоя фамилия Лежебокова?

- Откуда ты знаешь?

- Одно могу сказать - в будущем году сбудутся не только наши с тобой желания, но и заветное желание Ивановны Карловны.

- Матвей, ты сразу со мной не ходи. Мне нужно мать подготовить, а то от нахлынувшей радости еще сознание потеряет. Выжди десять минут и тогда заходи. Ладно?

- Ладно.

- Квартира двадцать пять. Будем тебя ждать!

Я смотрел ей вслед и глупо скалился...

P.S. От второго лица.

Приблизительно год назад я нарушила уголовный кодекс Российской Федерации. Проще говоря, экспроприировала у одной подвыпившей мамы колечко с крупным изумрудом. Дело было в новогодние праздники. Решила подзаработать – все-таки прибавки к стипендии - и пошла в Снегурочки. Первый и последний раз.

Приехали мы с Дедом Морозом по вызову в одно богатенькое семейство. Глава семьи - старенький дяденька бросил прежнюю супругу и женился на молоденькой дурочке. Дурочка родила ему дочурку. К этой девочке нас и пригласили. Не стану описывать все безобразия, что мы с Дедом Морозом творили ради удовольствия трехлетнего чада, а также других детей, которых в богатом доме было немало.

Колечко на пальчике молоденькой пьяненькой хозяйки я заметила сразу. Видимо, муж ошибся с размером, даже на указательный палец колечко владелице было великовато. Приходилось держать палец слегка согнутым,

чтобы кольцо не свалилось. И свалилось же, когда дурочка потеряла бдительность, изрядно переборщив со спиртным.

Я подобрала колечко и поначалу положила себе в карман. Но сообразила, что хозяйка быстро кинется своей потери и нас тщательно обыщут. Так и произошло. Но прежде я спрятала кольцо с изумрудом в посох Деда Мороза. Он и сам не знал, что верхний круглый набалдашник откручивается. Я обнаружила эту особенность, когда держала посох в руках и нервно ждала окончания очередного праздника с нашим участием.

Оказавшись на свободе, мне не удалось вернуть себе находку. Да, находку. Не надо так напиваться и терять ценные вещи. Впредь дурочка будет умеренней в выпивке, а ее муженек пусть дарит побрякушки по размеру.

Проблема состояла в том, что это была наша последняя гастроль – мы приезжали в богатый особняк в канун Старого Нового Года. Блажь такая у богатеев – им и в Старый Новый Год подавай Мороза и Снегурочку.

В общем, ушли наши костюмы на консервацию. Пришлось мне ждать следующего Нового Года.

Через некоторое время после описанных событий я оказалась в одном вагоне поезда с одной занятной теткой. Звали ее Иванна Карловна Лежебокова. Мы разговорились. Именно, она рассказала мне о своих планах касательно коллеги Матвея Гордеева, который по всем статьям подходил ее одинокой стареющей дочери, воспитательнице детского сада. Иванна выложила мне всю подноготную потенциального зятя. Надо признать, тетка была наблюдательной. Из ее рассказа я сделала вывод, что Матвей вполне может жениться на ее дочери, если та даст ему шанс. Пока дочь наотрез отказывалась от услуг матери-свахи, считала, что выбор должна сделать сама, без всякого сводничества.

Матвей обходил стороной красоток, которые слетались на него, как мухи на мед. Иванна предположила, что Матвею нужна женщина – тихая пристань, которая при первом знакомстве не превратится в муху-липучку. Таких Матвей пока не встречал. Что и говорить, мужик он оказался классным. Завидный жених, без всяких сомнений.

Разговор в поезде отложился в моей голове. С Иванной Лежебоковой я еще не раз «случайно» сталкивалась на улице, в моей голове медленно созрел план возвращения себе изумруда. Чужими руками легче всего загребать жар из печи. Тем более, когда идет речь о ворованной ценности.

Я собрала на Матвея Гордеева целое досье. Изучила его так, что казалась знакома с ним всю свою жизнь. Оставалось надеяться, что не ошиблась, и всё пройдет гладко.

Незаметно подошло время новогодних праздников. Теперь мне необходимо стать дочерью Иванны Карловны – слегка прибавить себе возраст – все-таки Валериана Лежебокова старше меня на десять лет.

Ох, и люблю я авантюры! Без них жизнь была скучна и неинтересна.

Какая я умница! Как здорово все рассчитала! Колечко в моих руках!

И пусть я его еще не видела, времени не было, но посох потрясла, и приятный уху звук услышала – там мое колечко, в посохе. Вот повезло по всем статьям...

Спасибо, милый Матвей. Приятно было иметь с тобой дело. И целоваться было очень приятно. Но стар ты для меня. И не в моем ты вкусе. Скучный и правильный. Пустился в авантюру лишь по причине возникшего чувства к убогому существу в детском костюмчике...

Эх, вы, мужчины! Обвести вас вокруг пальца ничегошеньки не стоит!..

Я поднялась на лифте на верхний этаж, проникла на чердак, перешла по чердаку к первому подъезду. Вывернула куртку – она у меня двухсторонняя, нацепила на голову смешную шапочку с помпоном, доселе лежавшую у меня в кармане, и спокойно покинула гостеприимный дом моей знакомой Иванны Карловны Лежебоковой.

Хорошо, что я ей назвалась вымышленным именем. Как меня зовут на самом деле, не важно...

P.S. От первого лица.

Я смотрел ей вслед и светился от счастья. Оказывается, я неплохо разбираюсь в женщинах.

Сразу догадался, что девица хитрит. Но решил ей подыграть. Она на самом деле мне понравилась. Она похожа на настоящую дочь Лежебоковой, Валентину. Так ее зовут по-настоящему, это мать ее кличет Валерианой, так ей больше нравится. И до сих пор ругается с мужем, который настоял на имени Валентина.

Украденный посох Деда Мороза на несколько минут оказался в моих руках – самозванка Валериана отлучилась в туалет. Я без труда обнаружил в посохе

прекрасный перстень с изумрудом. Мне стало все ясно. Но спектакль решил продолжить. Все-таки интересно, как станут развиваться события далее.

Взамен перстня я бросил обычную гайку, подвернувшуюся мне под руку, вернее сказать – под ногу. Это стандартное изделие было соединительной частью напольной вешалки, прекратившей свое существование. И тут мне подфартило: случайно наступил ногой на гайку.

До последнего ждал разоблачения. Но видимо, лже-Валериана не успела проверить содержимое посоха. Однако убедилась, что в нем есть то, что она мечтала себе вернуть – явно чужую штучку. Девушка прямо при мне тряхнула посохом и расплылась в мечтательной улыбке. Уже представляла себя с крупной суммой денег в руках, вырученной за перстень.

А потом мы приехали к дому Лежебоковой...

Я выждал положенные десять минут...

Еще немного постою и пойду свататься.

С Валентиной мы знакомы месяц. Сегодня я понял, что пора расстаться с холостяцкой жизнью.

Сегодняшние поцелуи с другой девушкой – это не измена. Всё для пользы дела... И спасибо тебе, милая авантюристка, за то, что помогла мне разобраться со своими чувствами. Иначе я бы так и продолжал встречать Новый Год с телевизором...

P.S. От второго лица.

Без ложной скромности скажу: я мудра не по годам! Ну, очень умная и дальновидная. Так и знала, что любой из любопытствующих «купится» на колечко. А раз «купится», то будет весьма рад неожиданной находке и далее не пойдет в своих поисках. А зря. Для него же хуже, для меня лучше. Как и было задумано... Все-таки я умная девочка, пусть и нескромная...

Дело было так.

Та самая трехлетняя девчущечка, дочь старичка и молодой дамы, злоупотребившей спиртными напитками, подарила нам с Морозом свой рисунок. Подарок получился не в одном экземпляре. Вместе с собственным творением вручила графический набросок известного художника. Не поверите - Саврасова. Да, да, его родимого, Алексея Кондратьевича. Я в этом

кое-что смыслю – много лет посещала художественную студию. Недаром гениальный пейзажист говорил: «Пишу весну так, чтобы жаворонков не было на картине видно, а песни их слышались». Я тотчас узнала руку мастера.

Графический набросок Саврасова я и умыкнула у родителей доброй девчущечки. Дедушка мой, Морозович в смысле, был в том благостном состоянии, когда мало что смыслишь. Поэтому на мои действия с его собственностью – посохом, внимания не обратил. Я засунула тонкий листок в полость посоха, с нижней стороны, с трудом стянув эбонитовую, а может и застаревшую резиновую, затычку в форме глубокой крышки. Туда же отправилась моя бижутерия – перстенок с лже-изумрудом, который от настоящего способен отличить только специалист. В общем, пожертвовала я своим богатством ради настоящего сокровища. Верхний наболдашник снимается легко, но сверху мой секрет никогда не заметишь. И зачем его замечать, если колечко с «ценным» камушком само в руки идет.

Наконец, моя мечта сбылась – графический набросок Саврасова вернулся ко мне, в его новой владелице. Я его не украдала, мне его подарила дочь бывших владельцев.

Я влюбилась в этот рисунок с первого взгляда. В мою душу, в мое сердце сразу вошла весна, всё внутри если не расцвело, то готовится расцвести, распуститься. Толчок к новой жизни, вот как это называется. Я себе это внушаю. И если получится внушить, то все так и будет... Но надо не сидеть сложа руки, что-то делать, не ждать с моря погоды.

Теперь и силы появятся. И уверенность в свои силы. Я буду каждый день заряжаться от источника тока, коим является обычный на взгляд несведущего человека графический набросок. Разве я могла его упустить.

Я ждала, тщательно готовилась. Я считала и считаю, что заполучить ценный подарок чужой девочки нельзя просто так, необходим кайф предчувствия.

Рядом с графикой Саврасова повешу на стену детский рисунок. Рисунок той самой доброй девочки. На рисунке она изобразила домик, солнышко, сугробы и снеговика. Милый рисунок...

Странно, почему рядом с безумной радостью в душе поселилась томительная грусть. Я догадываюсь, в чем дело. Вернее, в ком. В нем, смешном молодом человеке, который купился на перстень с аля-изумрудом. В молодом человеке, который совершенно не в моем вкусе. Стар он и предсказуем. Правильный очень.

Таким способом я пытаюсь вызвать в себе отвращение к нему?

За время подготовки к торжественному моменту изъятия графики Саврасова я привязалась к Матвею Гордееву... А узнав ближе, и...

Быть такого не может! У меня есть жених... Пусть не совсем жених, но мы встречаемся достаточно давно... Встречаемся-встречаемся, а пожениться не можем: я не хочу. Потому-то равнодушна...

А может быть, вернуться и всё ему объяснить? Он мужчина понятливый, с чувством юмора. Вместе посмеемся, а потом я приглашу его в гости, в мою настоящую квартиру. Он поможет мне повесить картину-графику на стену (я уже и рамку заготовила), мы сядем рядом и будем любоваться графическим наброском гениального художника девятнадцатого века. И слушать пение жаворонков...

Как же мне поступить?..

Нет, не стану я к нему возвращаться! Тем более, у него есть невеста...

Если до сегодняшнего дня Матвей не сделал свой выбор, то я его подтолкнула сделать шаг навстречу, увы, не ко мне, к другой женщине...

P.S. От первого лица.

И чего я стою перед подъездом уже битый час?! Не памятник, кажется, а застыл, как изваяние... Стою, потому что ноги отказываются идти. Назад, в машине, - с удовольствием, а вот вперед – проблема.

Сердце – важная часть моего организма, сердце «рулит» всем...

Организм противиться моему решению, сердце надоумило. Сердце соображает быстрее головы. И что делать?

Вернусь-ка я домой. Встречу Новый Год в приятном одиночестве. С добрым другом телевизором.

Но почему сердце возмущенно набатирует? Отказывается от одиночества? Или компания ему не подходит?

Что так сердце, что так сердце растревожено, как пелось в одной старой песне... Не у меня первого, не у меня последнего... Как-нибудь справлюсь...

- Черт побери, что происходит? – вслух возмутился я на действие моего кроветворного органа.

- Нормально, он уже сам с собой разговаривает! Вот так оставишь человека на полчаса, и с ним начинают твориться всякие безобразия!

Это был ее голос. Я узнал бы его из тысячи голосов.

- А ты не оставляй, - усмехнулся я, сграбастал ее в объятия и прильнул к невозможно сладким губам...

Январь 2017г.